

“Угу. Весной дел не так уж много, так что я смогу возвращаться домой по вечерам. А вот летом и осенью придётся оставаться в горах на несколько дней. Зимой же, когда снег завалит все дороги, ходить на охоту почти не буду”.

Вэй Циншань терпеливо объяснял своему маленькому фулану. Конечно, ему тоже хотелось бы оставаться дома рядом с ним каждый день, но у них ни дома, ни земли, поэтому он должен как можно скорее отправиться в горы на охоту. Весной он охотился только на мелкую добычу. Весна была временем размножения животных, нельзя было убивать слишком много.

Услышав, что Вэй Циншань будет возвращаться домой по вечерам, Линь Юй немного успокоился.

Перебрав дикорастущие овощи, Линь Юй ушёл на кухню готовить ужин. Вечером он на пару приготовил кастрюлю пышных белых маньтоу, пожарил сяньчунь с двумя яйцами и сделал холодную закуску из пастушьей сумки.

Вэй Циншань особенно любил свежие, мягкие маньтоу, поэтому за ужином съел три штуки.

Так как на следующий день Вэй Циншань собирался в горы на охоту, Линь Юй не мог уснуть ночью. Вспоминая, как тот рассказывал о хищных зверях в лесу, он всё больше беспокоился.

“Циншань, в горах есть тигры?”

“Угу, есть. Но чтобы их встретить, нужно углубиться в лес. В тот год, когда я пошёл с учителем, мы шли вглубь пять дней, прежде чем удалось подстрелить одного”.

Линь Юй почувствовал, как у него сжалось сердце.

“Не охоться на тигров, пожалуйста... Я... я боюсь”.

Старики в его деревне рассказывали, что если зимой тигры в горах сильно голодали, то могли спуститься вниз. Один из стариков, когда был молодым, однажды встретил такого зверя. Тогда от его нападения пострадали двое людей.

“Угу. Тогда учительница серьёзно заболела, поэтому учителю пришлось идти в горы за тигром. Не волнуйся, в самую глубь леса я заходил максимум на день пути, тигра там не встретишь”.

Линь Юй немного успокоился.

“Тогда возвращайся пораньше”.

“Конечно, мой маленький фулан ведь ждёт меня дома”.

Линь Юй придвинулся ближе к Вэй Циншаню. Тот всегда излучал жар, и с тех пор как они начали спать вместе, Линь Юй больше не мёрз. Он осторожно прижался губами к руке Вэй Циншаня и прошептал:

“Циншань, ты хочешь?..”

“Чего?”

Вэй Циншань сначала не понял, но когда Линь Юй смущённо замолчал, до него наконец дошло. Конечно, он хотел!

Молодой, полный сил, да ещё и каждую ночь обнимает своего нежного, мягкого маленького фулана... Но сейчас условия не позволяли.

“Спи спокойно, кровать дома никуда не годится”.

Линь Юй заволновался. Если кровать не годится, так что же, теперь всю жизнь ничего не будет? Тогда как же он родит Вэй Циншаню малышкой?

Он покраснел, занервничал и даже начал заикаться: “Т-тогда... сделай это... полегче”.

“Нет. Хорошо хоть вчера доски не сломались, а если бы ты поранился?”

Пара слов и Вэй Циншань загорелся ещё сильнее. Настоящее испытание! Он заметил, что Линь Юй во многом трусишка, но в этом вопросе, похоже, оказался куда смелее.

“Т-тогда давай... на полу?”

Линь Юй давно всё придумал. Раз кровать плохая, а денег на новую нет, можно на полу. А потом уже лечь на кровать. Они ведь только недавно поженились, но из-за его ранения Вэй Циншань всё это время терпел. Линь Юю даже казалось, что тот страдает. Да и он сам хотел как можно скорее подарить ему малыша.

Вэй Циншань едва сдержался. Такие простые, невинные слова, а как сильно задели! Казалось, будто его поставили на раскалённые угли.

“Нельзя, пол слишком холодный, простудишься”.

Линь Юй так старался, а в итоге ничего не вышло. Он даже чуть не заплакал. Это было его

самое смелое решение! Голос у него задрожал:

“Т-тогда... что делать? Без кровати... как же я рожу тебе малыша?”

Только теперь Вэй Циншань понял, о чём думает его маленький фулан. Он обнял Линь Юя и тихо успокоил его, шепнув прямо в ухо: “Кто сказал, что нет кровати? Я с утра уже попросил плотника Ши её сделать”.

Линь Юй замер, ошеломлённо моргая. Вчера кровать сломалась, а сегодня Вэй Циншань уже заказал новую... Если об этом узнают другие, какой же это стыд!

У него голова шла кругом, а когда он вспомнил, что только что говорил, ему стало так стыдно, что на глаза навернулись слёзы. Но Вэй Циншань не унимался, снова зашептал: “Ши Тоу сказал, что через несколько дней закончит. Если тебе не терпится, завтра после охоты я могу его поторопить”.

Линь Юй тут же схватил его за рукав: “Н-не надо!”

Вэй Циншань вдоволь подразнил своего маленького фулана и лишь тогда пламя в его груди немного угасло.

“Ладно, как скажешь, не пойду”.

Даже у такого толстокожего человека, как Вэй Циншань, не хватило бы наглости торопить — каково будет, если об этом узнают? Как неловко! Но у него всё же закрались нехорошие мысли: ему хотелось посмотреть, каким станет его маленький фулан, когда застесняется и занервничает.

“Сколько серебра это стоило? Я тебе дам”.

“Немного. Я за эти дни на охоте заработаю”, — Вэй Циншань не стал говорить Линь Юю настоящую сумму, боясь, что тот расстроится из-за денег. В конце концов, кровать всё равно пришлось бы покупать, рано или поздно эти деньги ушли бы.

“Если тебе не хватит, бери сам”.

“Знаю. Ложись спать пораньше, завтра мне в горы”.

После нескольких тихих фраз супруги легли спать. На рассвете, когда небо только начало светлеть, Вэй Циншань поднялся. Услышав шум, Линь Юй тоже поспешно оделся и встал.

“Ещё рано, спи дальше”.

“Я приготовлю тебе сухой паёк”.

“Не надо, вчерашние маньтоу ещё есть. Разогрею парочку и возьму с собой”.

Вэй Циншань подумал, что достаточно будет просто подогреть на огне два маньтоу. Так он и раньше делал, когда жил один и ещё до раздела семьи. Да и Линь Юй готовил их куда лучше, чем он сам, у него они всегда получались твёрдыми, как камень.

“Я всё равно уже не засну, лучше помогу тебе”.

Линь Юй поспешно натянул одежду. Небо ещё оставалось тёмным, усыпанным яркими звёздами. Деревня была окутана тишиной, не слышно было ни единого голоса. Линь Юй не ожидал, что Вэй Циншань встаёт так рано, и немного сожалел, что не приготовил еду с вечера.

Чтобы не задерживать мужа, он на скорую руку испёк несколько лепёшек. Вэй Циншань съел две, запивая горячей водой, и был вполне доволен — горячая еда уже радовала.

Линь Юй также разогрел кусочки мяса, которые жарил на масле пару дней назад, завернул их в три лепёшки и сложил в котомку. Затем наполнил бамбуковый термос горячей водой. К этому времени на улице уже слегка рассвело и можно было различить дорогу под ногами.

Линь Юй проводил Вэй Циншаня до дверей:

“Возвращайся пораньше”.

“Угу. А ты иди в дом, на улице холодно”.

Вэй Циншань взвалил на спину снаряжение, взял еду и ушёл, а за ним последовали две охотничьи собаки. Сейчас он возвращался домой каждый день, так что Линь Юй не скучал в одиночестве. Но когда летом фулан начнёт оставаться в горах на несколько дней, ему придётся оставить Байсюэ дома или завести ещё одну обычную деревенскую собаку, чтобы хоть кто-то охранял двор.

Линь Юй долго смотрел вслед уходящему Вэй Циншаню и только когда его силуэт окончательно скрылся из виду, повернулся и вернулся в дом.

Позавтракав лепёшкой, он, воспользовавшись хорошей погодой, вынес одеяла из дома, чтобы просушить их на солнце. Прибираясь в доме, он заметил стопку старой одежды Вэй Циншаня, кажется, та ему уже мала, потому и лежит без дела, а на некоторых вещах даже есть дыры.

Прибравшись в спальне, Линь Юй взял таз с одеждой, чтобы отнести её к реке и постирать.

Только он прикрыл калитку, как увидел, что к нему с корзиной для вышивки спешит Хэ Дун.

“Гээр Юй, ты выходишь?”

“Угу. Ты идёшь стирать?”

“Нет, я целое утро уговаривал маму, чтобы она отпустила меня к тебе вышивать. Она наконец согласилась, а ты, оказывается, стирать собрался! Ладно, раз уж так, тогда я пойду с тобой и буду вышивать рядом”.

“Хорошо”.

Хэ Дун тут же повеселел, и они вдвоём направились к речке у края деревни. Место было ровное, у самой воды лежало несколько больших камней, но самые удобные уже заняли пожилые женщины. Линь Юй с Хэ Дуном нашли свободное местечко, хоть оно и было не самым удобным, зато там никого не было, и уселись там.

Как только Линь Юй появился, женщины, что стирали неподалёку, сразу же зашептались:

“Смотрите, новый фулан Циншаня сегодня тоже вышел”.

Поскольку он был новеньким в деревне, многие ещё ни разу его не видели. Кто из любопытства, а кто с доброжелательной улыбкой, но почти все взгляды устремились в его сторону.

Линь Юй всё это прекрасно понимал, но, будучи застенчивым и неразговорчивым, просто опустил голову и молча принялся стирать одежду.

Вода в реке была холодновата, но уже терпимее, чем раньше. Вдруг Линь Юй вспомнил, что Вэй Циншань говорил ему греть воду для стирки. Но сегодня вода была всего лишь прохладной, так что, наверное, ничего страшного — он просто продолжил работу.

Хэ Дун, сидя рядом, держал пальцы и вышивал. С его присутствием Линь Юю стало спокойнее.

В его тазу лежала одежда чёрного и тёмно-синего цвета — очевидно, это вещи Вэй Циншаня. Одна из женщин, чуть склонившись к подруге, негромко сказала: “Новый супруг Циншаня такой хозяйственный, всего несколько дней прошло после свадьбы, а уже стирает мужу одежду”.

“Да-да, смотри, как ловко у него получается!”

“Ну и что с того? Бедный как был бедным, так и остался. В этом доме даже клочка земли нет, как дальше жить-то?” — проворчала одна из женщин.

“Да нельзя так говорить. Разве Циншань не на охоте зарабатывает? Смотри, и двух лет не прошло, а уже десять лянов серебра на свадебный выкуп скопил. Так что не так уж он и бедствует”.

“Ага, а дома-то у него и нормальной мебели нет! Новый супруг всего несколько дней живёт, а уже работать начал”.

Вдруг откуда-то появилась Ся Хэуа, поставила рядом с собой таз и села среди женщин.

Хэ Дун и без того раздражался из-за вышивки — он никак не мог нормально вышить этот дурацкий цветок! А тут ещё эти деревенские сплетницы — не просто глазеют, а ещё и всякие гадости говорят! Особенно эта Ся Хэуа, уж кто-кто, а она-то совсем беспардонная!

Разозлившись, Хэ Дун резко вскочил: “Ну и чего уставились? На что смотрите?! Бедность вам мешает, что ли? Мы что, из ваших запасов едим? Пусть ваш дом будет самым богатым, ладно?!”

Хотя среди женщин было много пожилых, Хэ Дун их нисколько не боялся, смело высказал всё, что думал.

Линь Юй осторожно потянул его за рукав: “Гээр Дун...”

Ся Хэуа поднялась и притворно вздохнула: “Ох, так и гээр Дун тут... Гээр Дун, ты ведь уже не ребёнок, не стоит так грубо себя вести. Если за тобой такое закрепится, потом сложно будет найти хорошую семью для сватовства”.

Хэ Дун фыркнул: “Моя мама ещё ничего не сказала, а вот ты, Ся Хэуа, слишком уж в чужие дела лезешь”.

“Ты!..” — Ся Хэуа аж дар речи потеряла, а в стороне кто-то прыснул со смеху. Это её только разозлило ещё сильнее.

“Чего смеётесь?!”

Линь Юй снова потянул Хэ Дуна за рукав: “Гээр Дун, гээр Дун...”

Он понимал, что Ся Хэуа права: если про неженатого гээра разойдутся слухи, что он грубый и ленивый, сватовство и так непростое дело, а с плохой репутацией станет и вовсе трудным.

Но Хэ Дун не придавал этому значения: “Да ладно, не переживай. Ты просто продолжай стирать”.

<http://bllate.org/book/15725/1407294>